

ИССЛЕДОВАНИЯ СООБЩЕСТВ

ДВА ВИДА ИЗОЛИРОВАННЫХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ КАК СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТЁННИСОВСКИЕ ОБЩНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Артеми́й Алексе́евич Поза́ненко**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Позаненко А.А. (2017) Два вида изолированных локальных сообществ как старые и новые тённисовские общности в современной России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(3): 161–178.

Аннотация: Фердинанд Тённис в своей фундаментальной работе «Общность и общество» еще в конце XIX в. предсказывал появление на исходе общественной эры новых общностей, из которых впоследствии может развиваться новая культура. Сегодня, возможно, мы наблюдаем за зарождением таких общностей в форме самоизолирующихся локальных сообществ (экопоселения, идейные и религиозные общины, поселения родовых поместий и др.). Причем в России сложилась уникальная, не предвиденная Тённисом ситуация — сосуществование в одной стране и даже в одной этноконфессиональной среде новых локальных общностей и еще не полностью исчезнувших старых — пространственно изолированных локальных сообществ (труднодоступные, отрезанные от «большой земли» села). В статье на основе выделенных черт общности проводится сравнение пространственно изолированных и самоизолирующихся локальных сообществ (на примере самой распространенной в России их разновидности — поселений родовых поместий) с идеальной тённисовской общностью. Автор приходит к выводу, что пространственно изолированные локальные сообщества пока ближе к идеальной общности, что, по крайней мере частично, объясняется тем, что поселения родовых поместий еще находятся на стадии становления и выросли из общества и несут некоторые его черты. При этом уже сейчас общностное преобладает в поселениях родовых поместий над общественным, и движение в сторону идеальной общности продолжается. Тем не менее, новые общности останутся качественно иными связанностями, нежели старые. Материалы собраны методами глубинного интервью и наблюдения с элементами включенного наблюдения в труднодоступных селах и поселениях родовых поместий.

Ключевые слова: община, гемайншафт, Фердинанд Тённис, пространственная изоляция, самоизоляция, сельские сообщества, экопоселения, анастасийцы, поселения родовых поместий

* E-mail: apozanenko@hse.ru

Введение

В 80-х гг. XIX столетия, когда Фердинанд Тённис работал над первой редакцией своего фундаментального труда «Общность и общество», подавляющее большинство населения России все еще жило в локальных сообществах, в которых царили преимущественно общностные отношения, — крестьянских общинах. Однако начиная со столыпинской аграрной реформы, нацеленной на отказ от общинного землевладения, образ жизни и общежития крестьян стал постепенно меняться. В советское время процесс был ускорен индустриализацией, урбанизацией, повышением пространственной и социальной мобильности, а позднее и глобализацией. Общинность на уровне взаимоотношений между людьми в той или иной степени сохранялась в деревнях, но массовый отток населения в города в 1960-е и 1990-е гг., а также обнищание и закрытие колхозов и совхозов в постперестроечное время нанесли уже, казалось бы, почти смертельный удар по традиционному сельскому образу жизни и отношениям, особенно в неплодородном Черноземье.

В ходе исследовательских экспедиций по селам и малым городам европейской России я постоянно слышал от своих информантов сетования на то, что, такие дружные прежде, их локальные сообщества стали разобщенными, жизнь коммерциализировалась, каждый теперь «сам за себя». Однако позднее, запустив исследование, посвященное изолированным сельским сообществам, я заметил, что в пространственно изолированных селах подобные настроения выражены слабее, а подчас и вовсе отсутствуют. Со временем я пришел к выводу, что им по-прежнему свойственны многие черты тённисовской общности.

В то же время в российской сельской местности стали появляться самоизолирующиеся локальные сообщества (экопоселения, идейные и религиозные общины, поселения родовых поместий и др.), стремящиеся к общинности полной или частичной, что делает тему общины вновь актуальной. Тённис считал, что при крахе общественных цивилизации и культуры из сохранившихся разрозненных ростков общности, возможно, начнет развиваться новая культура (Тённис 2002: 377–378), т. е. он предсказывал появление новых общностей на исходе общественной эры, в каком-то смысле допуская цикличность истории. Большинство самоизолирующихся локальных сообществ, пусть и неосознанно, действительно хотят выстроить сообщество, во многом соответствующее представлению Тённиса об общности (Польский 2013; Позаненко 2016).

Таким образом, пространственно изолированные локальные сообщества можно рассматривать как сохранившиеся старые общности, еще не отжившие свой век в эру общества, на пути мира к глобализации, а самоизолирующиеся локальные сообщества — как общности новые. Работа

посвящена сравнению этих двух видов сообществ с представлениями Фердинанда Тённиса об общности. Прежде чем перейти к нему, подробнее остановлюсь на природе рассматриваемых сообществ.

Население по огромным пространствам России распределено неравномерно, и большая часть сельских населенных пунктов в слабозаселенных местностях оказывается удалена не только от крупных городов и своих районных центров, но даже от транспортной инфраструктуры. В советское время строительство полноценных дорог туда считалось нецелесообразным, и связь с этими селами поддерживалась посредством водного транспорта и малой авиации. Во время кризиса 1990-х гг. именно эти виды транспорта пострадали больше всего, полностью исчезнув во многих местностях, особенно в европейской России. И если там, куда дороги построены были, снижение транспортной доступности со временем было компенсировано развитием личного автотранспорта (Каганский 2011), то села, полностью зависевшие от АН-2, МИ-8, катеров, теплоходов и барж, стали отрезанными от «большой земли» и оказались в пространственной изоляции. Как итог банкротства селообразующих предприятий — колхозов, совхозов и леспромхозов — существенно ужался или почти исчез официальный рынок труда. Население приспособилось к новым условиям, занявшись эксплуатацией окружающих природных ресурсов (в основном, возобновляемых), возможной при почти полном отсутствии контроля со стороны государства, безраздельной по причине труднодоступности и не наносящей вреда природе благодаря ничтожной плотности населения, ограниченности рынков сбыта и пониманию, что жизнь здесь станет невозможна, если все выловить и пострелять.

Вскоре после распада СССР в России, а следом и в большинстве постсоветских республик стали возникать поселения, жители которых были объединены какой-либо целью, идеей, идеологией или мировоззрением. Несмотря на то, что не только основателями, но и членами этих сообществ являются исключительно или почти исключительно горожане, поселения основываются в сельской местности, что обусловлено желанием оградиться от современного технократического, бездуховного и экологически неблагоприятного глобализирующегося крупногородского общества полностью или частично. Первыми поселениями стали экопоселения, создаваемые по аналогии с соответствующими западными локальными сообществами, которые стали возникать еще в 1960-х и 1970-х гг. Однако довольно быстро появились и поселения, не основанные на зарубежных идеях. В 1996 г. вышла книга Владимира Мегре «Анастасия» (Мегре 2007), положившая начало серии «Звенящие кедры России» (ЗКР) и соответствующему движению. Последователи движения (их иногда называют анастасийцами или анастасиевцами) основывают так называемые поселения родовых поместий (ПРП),

в которых каждая семья (допускаются исключительно гетеросексуальные отношения) создает свое родовое поместье площадью не менее одного гектара. Семья имеет в мировоззрении анастасийцев ключевое и сакральное значение, и холостая жизнь считается ненормальной. В большинстве поселений при приеме новичков предпочтение отдается уже сложившимся семьям. Предполагается, что хотя бы одна из ветвей рода будет вечно жить в родовом поместье, которое можно только передавать по наследству, но не делить или продавать. Согласно книгам Мегре, поместья должно хватать для того, чтобы полностью прокормить себя и быть самодостаточными. Однако в полной мере избавиться от зависимости от города не удалось пока никому (мне, по крайней мере, такие случаи неизвестны), а для большинства получение средств к существованию по-прежнему, так или иначе, связано с городом. ПРП сегодня с большим отрывом являются наиболее распространенным видом самоизолирующихся локальных сообществ в России, и в дальнейшем речь пойдет именно о них*.

Применялись качественные методы сбора материалов — глубинное интервью и наблюдение с элементами включенного наблюдения. Материалы для настоящего исследования были собраны в 6 экспедициях в пространственно изолированные села (5 субъектов федерации, 15 населенных пунктов, 63 интервью с 85 информантами) и 5 экспедициях в ПРП (4 субъекта федерации, 6 поселений, 24 интервью с 41 информантом). Помимо этого, было проведено порядка 80 поверхностных бесед, не выделенных в отдельные интервью. Также были проанализированы наблюдения, сделанные на ряде анастасийских мероприятий в Москве, и информация с анастасийских и близких к ним сайтов и форумов. В качестве вспомогательных использовались материалы из других экспедиций по сельской России.

Теоретические основания

Фердинанд Тённис вводит два понятия: «общность» и «общество». Определяет он их следующим образом: «... все виды связанности, в которых преобладает сущностная воля, я называю общностью (*Gemeinschaft*), а все те, которые формируются посредством избирательной воли или существенно ею обусловлены, — обществом (*Gesellschaft*), причем оба понятия в их сущности и тенденциях суть модальности связанности» (Тённис 1998: 344). Термин «*Gemeinschaft*», используемый Тённисом (Tönnies 1922), переводится в российской научной традиции по-разному. Например, А.Н. Малинкин (Тённис 1998) и Д.В. Скляднев (Тённис 2002) употребляют слово «общность», а Л.Г. Ионин (Ионин 1979) и В.Ф. Чеснокова (Чеснокова 2010) — «об-

* Подробнее о самоизолирующихся локальных сообществах и особенно поселениях родовых поместий см. (Позаненко 2016).

щина». Я склонен использовать больше объемлющий термин «общность», поскольку под связанностью Тённис понимает любые социальные связи между людьми, осознаваемые ими, и семья из мужа и жены, например, может быть *Gemeinschaft*, но странно было бы называть ее общиной. В западной научной традиции термины «*Gemeinschaft*» и «*Gesellschaft*» часто приводят без перевода (см. напр. Sandstedt, Westin 2015).

Сущностная воля и избирательная воля являются двумя принципиально различающимися разновидностями социальной воли, которая удерживает любую связанность от распада и позволяет ей после любого катаклизма вернуться в состояние равновесия. В общности воли всех ее членов совпадают между собой и, следовательно, с сущностной или естественной волей. В обществе же, наоборот, воли всех входящих в него людей различаются, а избирательная, или рациональная воля представляет собой их концентрированное выражение или результирующую (по аналогии с результирующим вектором или результирующей силой).

Общность и общество в чистом виде являются идеальными полярными моделями, не существующими в действительности. На самом деле они являются краями континуума, на котором находятся все реальные связанности, для которых всегда характерны как общностные, так и общественные признаки. Для деревни общностные отношения более свойственны, чем для города. Видом связанности, наиболее близким к идеальной общности, а также в каком-то смысле ее историческим прототипом, является первобытная кровнородственная община. История человечества состоит из двух последовательных эр — эры общности и эры общества, а само оно движется от кровнородственной общины к космополитическому обществу. Общностная совместная жизнь делится на три разновидности: жизнь семейную, деревенскую и городскую* (Тённис 2002: 378–380). Локальные сообщества, являющиеся объектом моего исследования, казалось бы, стоит рассматривать с позиций первых двух разновидностей совместной жизни. Однако для ПРП это не совсем так. Если считать ЗКР новым религиозным движением, как это делают некоторые исследователи (см. напр. Андреева 2010; Pranskevičiūtė 2010; Ожиганова 2015), то следует признать, что для анастасийцев характерен и один из признаков городской жизни. По Тённису, социальной волей в городской жизни является религия, а приверженность анастасийскому учению оказывается, по крайней мере, одним из факторов, держащих жителей ПРП вместе. Более того, многие поселенцы через некоторое время после переезда сталкиваются с многочисленными неожиданными трудностями: в обустройстве поместья, жизнеобеспечении и отношениях с соседями

* Подразумевается малый город. Крупногородская жизнь — это уже разновидность общественной совместной жизни.

(Задорин и др. 2012; Позаненко 2016). Некоторые не выдерживают и возвращаются в город, а остающиеся не сдаются, потому что не хотят расставаться со своей мечтой. Все складывается совсем не так, как им хотелось, но им в каком-то смысле совестно отказываться от своего замысла, на реализацию которого было потрачено столько усилий, а руководство совестью при жизни в сообществе, по Тённису, также является признаком городской жизни. Далее, Тённис считает, что каждой разновидности общественной совместной жизни присущ определенный основной род занятий. Такого в ПРП и вовсе нет — для разных жителей занятия совершенно различны, причем распространены характерные как для общности, так и для общества. Домашним хозяйством (семейная жизнь) занимаются многочисленные рантье и немногочисленные пенсионеры; ремесленничество и искусство (городская жизнь) распространены меньше, а земледельцев (деревенская жизнь), живущих преимущественно за счет своего хозяйства и реализации собственной сельскохозяйственной продукции, и вовсе единицы. Что касается занятий, характерных для общества, то к торговцам (крупногородская жизнь) и промышленникам (национальная жизнь) можно отнести предпринимателей, чье дело, как правило, по-прежнему базируется в городе. Есть в ПРП и отдельные представители науки (космополитическая жизнь). Такую неоднородность можно объяснить тем, что сообщества созданы в самый разгар эры общества, причем людьми, приехавшими преимущественно из крупных городов. Наивно было бы ожидать, что все они способны мгновенно перестроиться и кардинальным образом изменить не только образ жизни, но и род занятий.

Выделю черты общности, которые будут служить основой для сравнения рассматриваемых пространственно изолированных и самоизолирующихся локальных сообществ с общностью Тённиса*: вера в естественное или божественное происхождение сообщества; связь с землей рождения; кровнородственные связи, пронизывающие все сообщество; безусловный приоритет жизни внутри сообщества перед связями с внешним миром; сплоченность; устойчивость; неприятие чужаков; патриархальные отношения внутри семьи; наличие общей собственности; согласие воле; отсутствие письменного права; отсутствие денежных отношений; взаимопомощь, основанная на взаимопонимании и доброй воле.

Сравнение старых и новых общностей с идеальной общностью

Вера в естественное или божественное происхождение общности

Общность, в отличие от общества, воспринимается как естественное образование, сотворенное Богом или природным, естественным ходом вещей.

* Выделены мной на основе (Тённис 1998; Тённис 2002).

Следовательно, божественным и /или естественным воспринимается и тот порядок, который царит в общности, что делает его незыблемым.

Пространственно изолированные локальные сообщества (ПИ). Закономерно, что у жителей советских поселков, созданных вокруг совхозов и леспромхозов, такой веры нет. Старые же села*, история которых исчисляется сотнями лет, кажутся многим своим обитателям вечными. Так же воспринимается и многовековое соседство нескольких родов, формирующих сообщество, естественно сложившееся и единственно для них возможное.

Самоизолирующиеся локальные сообщества (СИ). Поселения сейчас находятся на стадии становления, и поселенцы сами их создают. Соответственно, естественно или божественно создающимся сообщество воспринимается лишь в высшей степени эзотерически настроенными его членами. По моим наблюдениям, они составляют безусловное меньшинство. При этом книги ЗКР учат, что лишь такой образ жизни является для человека естественным. Следовательно, со временем обсуждающаяся здесь черта общности может стать присущей ПРП.

Связь с землей рождения

Чем дольше род живет на земле, тем сильнее он с ней срастается, причем к обжитой земле люди привязываются сильнее, чем к просто населенной. Таким образом, землепашцы имеют более сильные связи со своей землей, чем охотники, рыбаки и собиратели. Отрыв от земли вызывает тоску, так же — разрыв с витающими над жилищами и угожьями духами умерших родственников, а «ныне живущих связывает здесь последовательность предшествующих и последующих поколений» (Тённис 2002: 381).

ПИ. Сильная связь с землей иллюстрируется убежденным «Где родился, там и пригодился!» (что косвенно указывает и на веру в естественное происхождение сообщества) и недоуменным «Куда же я поеду?! У меня вся семья здесь похоронена!» Люди, все же переезжающие по каким-либо причинам в города, почти никогда не продают свои родительские дома, регулярно приезжают и поддерживают их**. Присваивающая экономика в пространственно изолированных селах играет ключевую роль, а земледелие лишь вспомогательно, хотя все и держат свой огород. Жители привязаны не только к своим домам, но и к угожьям и охотничьим избушкам, куда они выезжают на охоту, рыбалку и, иногда, в сезон сбора дикоросов. Собиратели, рыболовы и охотники оказываются связаны с землей даже крепче, чем земледельцы.

* Здесь и в дальнейшем старыми я называю села, основанные до революции.

** Из-за этого часто случается, что в полупустой труднодоступной деревне потенциальные дачники не имеют возможности купить дом и даже участок, что не характерно для аналогичных неизоллированных сел в этих же регионах.

СИ. Об установившейся связи с землей пока говорить трудно по причине короткой истории ПРП, однако она является одной из ключевых идей учения и целью поселенцев. Родовое поместье должно иметь сакральное значение для всего рода. Предполагается, что оно питает людей энергией, в нем они становятся богоподобными творцами, здесь осуществляется контакт с предками. Примечательно, что умерших полагается хоронить на территории поместья, некоторые поселенцы так и поступают. Рвать связь с родовым поместьем нельзя, однако случаи продажи участков не прижившимися поселенцами весьма распространены.

Кровнородственные связи, пронизывающие все сообщество

ПИ. Благодаря крайне низкой миграционной активности населения, в старых деревнях и селах большинство жителей, так или иначе, связаны родством разной степени дальности*, причем зачастую уже плохо осознаваемыми («знаю, что почти все мы тут родственники, но не знаю, с кем в каких связях нахожусь»). Это хорошо заметно по 3–4 доминирующим фамилиям, которые носят почти все местные (см. также Плюснин 2006). Иная ситуация в поселках, командно основанных в советское время вокруг селообразующего совхоза или леспромхоза — сюда люди съезжались из разных мест и массово породниться просто не успели. Впрочем, случаются и исключения. Например, в моей выборке есть мурманское село, основанное в 1920-х гг. переселенцами с реки Ижмы (территория современной Республики Коми), откуда они были вынуждены уйти, спасая своих оленей от разыгравшейся эпидемии. В этом селе есть доминирующие фамилии; они же по-прежнему характерны для берегов Ижмы.

СИ. За столь короткий срок кровнородственные связи не смогли бы успеть переплести сообщества поселений, но такая цель в ПРП и не ставится. Нет никаких предписаний, которые бы регламентировали, где нужно искать себе супруга или супругу**.

Безусловный приоритет жизни внутри сообщества перед связями с внешним миром

Публичная жизнь, напротив, характерна для общества.

ПИ. Местные жители зачастую выезжают на «большую землю» всего несколько раз в год, а некоторые и вовсе не выезжают годами. Их взаимодей-

* Это, хотя и в меньшей степени, характерно для большинства непригородных старых сельских населенных пунктов.

** При этом на базе различных ПРП проводятся дни знакомств, так называемые слеты половинок, на которые могут приезжать все одинокие люди, поддерживающие идеи ЗКР.

ствие с внешним миром обычно сводится к общению с уехавшими родственниками и друзьями и редким покупкам, требующим выезда в районный центр.

СИ. Казалось бы, раз речь идет о самоизолирующихся сообществах, то их члены должны сводить какое бы то ни было взаимодействие с внешним миром к минимуму. Однако это, как правило, не так. Помимо сохраняющейся зависимости от города в том, что касается заработка, многие поселенцы вовлечены в общественную, просветительскую и даже политическую деятельность, активно пользуются социальными сетями не только для общения, но и для ведения блогов*. При этом декларируется приоритет семьи и родового поместья в жизни человека.

Сплоченность

В общности люди связаны, несмотря ни на какие разделения, в обществе — разделены, несмотря ни на какие связи (Тённис 2002: 63). Взаимопонимание основано на сокровенном знании друг о друге, и «тем более вероятно, чем больше между людьми сходств в конституции и опыте» (Тённис 2002: 34).

ПИ. Закономерно, что в пространственно изолированных локальных сообществах, в которых семьи поколениями живут бок о бок и все друг про друга знают, уровень взаимопонимания довольно высок. Люди, как правило, друг другу доверяют, не возводят высокие и глухие заборы, зачастую вообще не запирают двери. Многие общие вопросы (поддержание путей сообщения, благоустройство и др.) решаются сообща, что объясняется практически полным отсутствием внимания со стороны властей. Изгой в таких сообществах редки. Подавляющее большинство местных жителей активно общаются и взаимодействуют между собой. Любопытно, что в том, что касается сплоченности, советские поселки отнюдь не уступают старым селам.

СИ. Сплоченность в масштабах всего поселения возникает в ПРП редко. Как правило, все сообщество как бы делится на группы, каждая из которых состоит из нескольких тесно взаимодействующих семей. Люди из разных групп часто остаются друг другу чужими, между ними случаются ссоры и свары. Некоторые семьи, живя в одном поселении, могут совсем не общаться. Это оказывается неожиданностью для многих поселенцев, и отсутствие искомым отношений часто становится причиной возвращения в город. В то же

* Членами движения создана уже официально зарегистрированная Родная партия, одной из основных целей которой является способствование принятию федерального закона, легализующего ПРП, а также стимулирующего и регламентирующего их создание. Активисты энергично призывают поселенцев вступать в партию и участвовать в партийной работе.

время и без всеобщей сплоченности проявления самоорганизации многочисленны, что, в том числе, обусловлено тем, что ПРП почти никогда не являются официальными населенными пунктами и ни на какую помощь со стороны властей рассчитывать не могут. Именно благодаря самоорганизации удается поддерживать дороги и прочую инфраструктуру, строить общие объекты, создавать общественные пространства, проводить культурные, познавательные, праздничные и иные мероприятия и т.д.

Устойчивость

Члены общности верны ей и не покидают ее. Общественные люди, напротив, легко меняют связанности.

ПИ. Депопуляция и старение населения, столь характерные для обычно нечерноземного пригородного села, не обошли стороной и пространственно изолированные сельские сообщества. Однако, как ни парадоксально, эти процессы в значительной пространственной изоляции в целом протекают медленнее, чем в аналогичных неизолированных населенных пунктах тех же районов. Местные жители привязаны к своему селу и сообществу и, как правило, не хотят переезжать. Депопуляция происходит преимущественно за счет отъезда молодежи на учебу и последующего ее невозвращения. Целыми семьями отсюда уезжают редко. После переезда люди, по возможности, продолжают поддерживать связь как с оставшимися, так и с переехавшими. Однако устойчивость этих сообществ несколько условна, поскольку они зависят от решения властей о дальнейшей судьбе местных школ. Закрытие школы, если таковое случается, вынуждает переезжать все семьи, в которых есть дети школьного возраста.

СИ. Динамика численности населения большинства ПРП является положительной, поскольку они, как правило, по-прежнему находятся на стадии «укомплектования». При этом поселенцы несравненно моложе обычных селян, поскольку при приеме в ПРП предпочтение обычно отдается молодым семьям с детьми. Более того, семьи поселенцев часто многодетны. Наблюдается заметная текучесть населения — не найдя своего места в сообществе или столкнувшись с чрезмерными хозяйственно-бытовыми проблемами, многие уезжают в другое ПРП или возвращаются в город, а на их место приезжают новые поселенцы. При этом, в отличие от пространственно изолированных сообществ, отсутствие школы редко становится причиной переезда: у большинства членов сообществ (в моей выборке у 3/4 и более) есть высшее образование*, и они готовы обучать детей на дому;

* Тённис считает, что образованный человек является человеком общественным (Тённис 2002: 251). В ПРП же люди не только имеют высшее образование, но считают, что надо продолжать учиться и самообразовываться всю

более того, для них такая форма обучения предпочтительнее. Во многих поселениях организуются занятия, которые охватывают часть школьной программы, а в перспективе ставится цель создания собственной полноценной школы.

Непримятие чужаков

Чужаки не принимаются в сообщество или приживаются тяжело.

ПИ. В старые села чужаки всегда приезжали редко и приживались тяжело и крайне долго. Чужаком может оставаться человек, приехавший несколько десятилетий назад, иногда подобное отношение распространяется и на его потомство. В советских поселках приезжие принимаются значительно легче.

СИ. Большинство ПРП до сих пор полностью не «укомплектованы», и остается распределенная земля, которая еще ожидает своих «помещиков». Поэтому чужаки не просто принимаются, а даже приглашаются, для чего организуются гостевые дни и другие мероприятия. Желающие присоединиться к сообществу фильтруются, однако строгость критериев отбора сильно варьирует от поселения к поселению. Новички практически сразу начинают восприниматься такими же членами сообщества, как и все остальные.

Патриархальные отношения внутри семьи

Дети подчиняются родителям, а жена — мужу.

ПИ. Семейные отношения здесь действительно несколько более патриархальные, нежели в столичных городах, однако практически идентичны тем, что царят за пределами крупнейших городов и их пригородов. Внутри-семейные связи крепки, но не строго иерархичны.

СИ. Семья не строится по иерархическому принципу, но мужчине, женщине, детям отводятся разные роли. Есть безусловно «мужские» и несомненно «женские» занятия.

Наличие общей собственности

Предполагается не только владение и пользование общими благами, но и взаимное владение и пользование благами друг друга (Тённис 2002: 39).

ПИ. К общим благам можно отнести окружающие природные ресурсы, создаваемые коллективными усилиями паромы и переправы, самостоятельно поддерживаемые пути сообщения и др. (например, сообщество может самостоятельно содержать пожарное оборудование и даже пожарную машину). Взаимное пользование благами не так распространено, но тоже

жизнь. Они регулярно посещают различные лекции, семинары, мастер-классы и т. п.

встречается. Наиболее ярким примером являются охотничьи избушки. По заведенному обычаю они не запираются, внутри хранится запас дров, спичек, минимальный набор продуктов. Любой путник может зайти, обсушиться, выпить чаю, поесть и переночевать. В последнее время некоторые избушки стали закрываться, что вызывает неодобрение остальных членов сообщества.

СИ. Среди российских самоизолирующихся локальных сообществ есть такие, в которых общину пытаются строить как единую семью. В них не предполагается частная собственность, практически нет частного пространства. Однако подобных сообществ пока немного, а среди ПРП нет и вовсе, поскольку отсутствие частного пространства и права собственности на землю противоречит основным постулатам ЗКР. При этом в большинстве ПРП есть общая инфраструктура, а также общие постройки (главная из которых — общий дом, выполняющий функции клуба, школы, гостиницы), расположенные на общем же участке. Одно из обследованных мной поселений взяло в аренду ближайший лес, чтобы, с одной стороны, обезопасить его от сплошных вырубок и, с другой, иметь возможность самостоятельно заниматься заготовками, в том числе очищать лес от сушняка и больных деревьев. Примеров взаимного пользования благами я не встречал.

Согласие воле

Оно основано либо на единодушии (для семейной жизни), либо на обычаях (для деревенской жизни). Внутри общности не может быть разногласий по фундаментальным вопросам.

ПИ. Очевидно, что полное единодушие утопично, и люди по-разному смотрят на многое, неприязнь и конфликты не являются чем-то исключительным. Однако неписанные и часто негласные общинные правила членами сообщества понимаются и нарушаются крайне редко.

СИ. В ПРП стремятся к единодушному принятию всех решений на сходах. Однако, как показывает практика, в полной мере это возможно лишь в очень маленьких поселениях, в которых живет несколько семей, которые как-то могут договориться. Когда сообщество вырастает, приходится переходить к принятию решений определенным процентом голосов*. Тем не менее, в немногих крупных ПРП некоторые отдельные вопросы действительно решаются исключительно при условии единодушия (например, новичок может вступить в сообщество лишь при всеобщем одобрении).

* Демократическое голосование есть проявление общества, поскольку в общностях в нем просто нет нужды.

Отсутствие письменного права

В общности роль права играют обычаи и привычки. Отдельные семьи никогда не пойдут против неписаного права общности, поскольку издержки такого поступка были бы слишком высоки. В обществе же регулирование общежития невозможно без письменных документов.

ПИ. Неписаное общинное право имеет приоритет над любым другим, поэтому письменное право, хотя формально на эти сообщества и распространяется, но фактически отсутствует. Какие бы то ни было официальные лица практически не вмешиваются в жизнь сообщества, позволяя ему самоуправляться.

СИ. Во всех поселениях, земля которых оформляется на юридическое лицо, есть официальный Устав, в котором, в том числе, бывают прописаны и правила общежития*. В остальных ПРП письменного права как такового нет, однако ориентировочные правила, не имеющие юридической силы, все равно могут фиксироваться на бумаге.

Отсутствие денежных отношений

ПИ. Денежные отношения практикуются редко. Чаще всего к ним прибегают одинокие старики, нанимающие редких люмпенизированных членов сообщества, не получающих пенсию, для выполнения каких-либо работ по хозяйству (например, для колки дров).

СИ. Денежные отношения в учении ЗКР не приветствуются. Где-то этому положению следуют, а где-то нет. Например, в одном из посещенных ПРП поселился человек, намеревавшийся зарабатывать на жизнь платным оказанием услуг с использованием своего трактора. Взамен ему предлагали не деньги, а собственные услуги, что его не устраивало; в результате он был вынужден покинуть поселение. В другом ПРП, напротив, денежные отношения практикуются, причем весьма активно — люди оказывают друг другу услуги и продают товары собственного изготовления. Для соответствующих объявлений даже создана отдельная рубрика в газете, которую поселенцы издают своими силами. По моим наблюдениям, второй пример лучше отражает положение дел в большинстве ПРП.

Взаимопомощь, основанная на взаимопонимании и доброй воле

Вознаграждение за дар или оказанную услугу остается на усмотрение получателя. В любом случае срок и форма вознаграждения не оговариваются (оплата исключена), а его эквивалентность необязательна. Взаимопони-

* Споры о целесообразности наличия юридического лица часто становятся причиной серьезных конфликтов и иногда даже приводят к фактическому расколу ПРП на два.

вание основано на знании друг друга и способствует со-радванию и со-страданию (Тённис 2002: 34). В обществе взаимность возможна лишь в форме обмена или денежных отношений либо немедленных, либо закрепленных договором.

ПИ. Взаимопомощь является одной из основ общегития, при этом она предполагает именно взаимность, фактическую или хотя бы потенциальную. В этой связи некоторые исследователи (см. напр. Metzko 2006) считают, что взаимопомощь не бескорытна, а расчетлива и, следовательно, в этом аспекте мало отличается от денежных отношений. Действительно, трудно представить ситуацию, когда человек без объективных причин (например, глубокая старость) никогда не отвечает добром на добро, и это никак не влияет на отношение к нему со стороны других членов сообщества. Однако представляется, что акценты следует расставить несколько иначе — взаимопомощь бескорытна, но практикуется лишь по отношению к тем, кто в ответ также не руководствуется корыстью.

СИ. Сети взаимопомощи, как правило, невелики, их в поселении несколько, они мало пересекаются, а контуры их повторяют контуры сплоченных групп, о которых говорилось выше.

Заключение

Итак, пространственно изолированные и самоизолирующиеся локальные сообщества (рассмотренные на примере поселений родовых поместий) представляют собой, соответственно, предобщественные и постобщественные тённисовские общности, одновременно существующие в современной России. Проведенное сравнение показывает, что на сегодняшний день пространственно изолированные локальные сообщества ближе к идеальной общности, нежели сообщества поселений родовых поместий. Это во многом объясняется тем, что последние находятся на стадии становления (самым старым ПРП сейчас чуть более 15 лет), многие из свойств общности им пока не присущи. При этом к одним они артикулированно стремятся (например, к установлению безденежных отношений и единогласному принятию решений по всем общим вопросам), а к другим — нет (например, к установлению патриархальных семейных отношений и кровнородственных связей с соседями). Это неудивительно, ведь речь идет об именно новых общностях, выросших не из общностей старых, а из общества, некоторые черты которого они продолжают в себе нести и даже пестовать (например, стремление к образованию и самообразованию). Поэтому не стоит ожидать, что они в будущем станут абсолютно идентичны старым общностям. Отличия новых общностей от старых и от идеальной общности неизбежны; сам Тённис признавал, что любым связанным характерны как общностные, так и общественные черты.

Фердинанду Тённису удалось не только спрогнозировать возникновение глобализированного общества, но и удивительным образом предсказать зарождение в его условиях новых общностей. При этом в нашей стране новые локальные общности начали появляться до окончательного отмирания старых, и мы являемся свидетелями их уникального соседства. Причем не просто в одной стране, а в одной этноконфессиональной среде — среди старых общностей есть как локальные сообщества коренных малочисленных народов, так и деревни, населенные исключительно представителями титульного этноса*. Это оказалось возможным именно в России, где пространства не только огромны и сильно дифференцированы по плотности населения (то же мы видим, например, в Канаде и Австралии), но и развиты в высшей степени неравномерно. В «медвежьих улах», почти не интегрированных в жизнь страны, сохраняются старые общности, которые, казалось бы, давно должны были кануть в Лету, а в неизолированной (преимущественно) сельской местности возникают новые общности людей, пресытившихся современной цивилизацией и глобализацией, вышедших из крупных городов и еще зависимых от них, но стремящихся от этой зависимости избавиться.

Выражение благодарности

Материалы собраны преимущественно в ходе работы над индивидуальным исследовательским проектом «Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти» (2012–2014), осуществленном при финансовой поддержке Фонда «Хамовники». Я благодарен Наталье Жидкевич за ценные советы по написанию статьи.

Литература

Андреева Ю.О. (2012) Вопросы власти и самоуправления в религиозном движении «Анастасия»: идеальные образы родовых поселений и «воплощение мечты». *Антропологический форум*, S17: 101–128.

Задорин И.В., Колесникова Е.Ю., Мальцева Д.В., Халкина Е.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. (2012) *Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения. Итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования*. М.: ЦИРКОН.

Ионин Л.Г. (1979) Социологическая концепция Фердинанда Тённиса. Кон И.С. (ред.) *История буржуазной социологии XIX — начала XX века*. М.: Наука: 164–180.

* В тех немногих странах, где одновременно существуют старые и новые общности, ситуация, как правило, принципиально иная. Например, в Дании к старым общностям условно можно отнести лишь сообщества гренландских эскимосских деревень, а к новым — сообщества экопоселений, создаваемых датчанами в староосвоенной части страны.

Каганский В.Л. (2011) Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты. *Международный журнал исследований культуры*, 4(5): 26–37.

Мегре В. (2007) *Анастасия*. СПб.: Диля.

Ожиганова А. (2015) Дети New Age: утопический проект движения «Анастасия» («Звенящие кедры России»). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2: 262–286.

Плюснин Ю.М. (2006) Мезень: реальность натуральной жизни. *Отечественные записки*, 5: 147–156.

Позаненко А.А. (2016) Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий. *Мир России*, 1: 129–153.

Польский И.В. (2013) От «дачников» к «поселенцам»: опыты сообщества в движении «Анастасия» / «Звенящие кедры России». *Труды русской антропологической школы*, 12: 136–155.

Тённис Ф. (1998) *Общность и общество*. Пер. с нем. А.Н. Малинкина. *Социологический журнал*, 3-4: 333–357.

Тённис Ф. (2002) *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*. Пер. с нем. Д.В. Складнева. М.: Владимир Даль.

Чеснокова В.Ф. (2010) *Язык социологии. Курс лекций*. (Лекция 2. Фердинанд Тённис. Община и общество). М.: ОГИ: 24–50.

Metzo K.R. (2006) Exchange in Buriatia: Mutual Support, Indebtedness, and Kinship. *Ethnology*, 45(4): 287–303.

Pranskevičiūtė R. (2010) Vissarion and Anastasia Movements in Lithuania. In: Ramanauskaitė E. (ed.) *Groups and Environments: Interdisciplinary Research Studies*. Vol. 2. Kaunas: Vytautas Magnus University: 201–205.

Tönnies F. (1922) *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Vierte und fünfte Auflage*. Berlin: Verlag Karl Curtius.

Sandstedt E., Westin S. (2015) Beyond Gemeinschaft and Gesellschaft. Cohousing Life in Contemporary Sweden. *Housing, Theory and Society*, 32(2): 131–150.

TWO KINDS OF ISOLATED LOCAL COMMUNITIES AS OLD AND NEW GEMEINSCHAFTS IN CONTEMPORARY RUSSIA

*Artemy Pozanenko**

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Pozanenko A. (2017) Dva vida izolirovannykh lokalnykh soobshchestv kak staryye i novyye tonnisovskiye obshchnosti v sovremennoy Rossii [Two kinds of isolated local communities as old and new gemeinschafts in contemporary Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(3): 161–178 (in Russian).

Abstract. In his seminal work «Gemeinschaft and Gesellschaft», Ferdinand Tönnies back in the late nineteenth century already predicted that the end of the gesellschaft era will be marked by the appearance of new gemeinschafts, which may give birth to a new culture. Nowadays, we may be witnessing the emergence of such gemeinschafts in the form of self-isolated local communities (ecovillages, intentional and religious communities, kin's domain settlements, etc.). The situation in Russia is unique and unforeseen by Tönnies — new local gemeinschafts coexist in the same country and even in the same ethno-religious environment with the remaining old ones — territorially isolated local communities (remote hard-to-reach villages). Based on the identified features of a gemeinschaft, the article compares territorially isolated and self-isolated local communities (on the example of the so-called kin's domain settlements — its most widespread variety in Russia) with an ideal gemeinschaft. The author concludes that territorially isolated communities are closer to an ideal gemeinschaft. This can be partly explained by the fact that kin's domain settlements are still at the initial stage of their development. They grew out of the gesellschaft and bear some of its traits. And even now, gemeinschaft features in kin's domain settlements are prevailing over the gesellschaft ones as evolution towards an ideal gemeinschaft continues. Nevertheless, new gemeinschafts will remain qualitatively different social ties as compared to the old ones. The data were collected in remote villages and kin's domain settlements using such methods as in-depth interviews and observations with elements of participant observation.

Keywords: community, gemeinschaft, Ferdinand Tönnies, territorial isolation, self-isolation, rural communities, ecovillages, Anastasians, kin's domain settlements

Acknowledgements

The materials for this article are collected mainly in the course of work on individual research project “The social structure of local communities, spatially isolated from the institutions of public authority” (2012–2014), implemented with the financial support of the Khamovniki Foundation. The author is grateful to Natalia Zhidkevich for valuable advice on writing the article.

* E-mail: apozenenko@hse.ru

References

- Andreeva Yu.O. (2012) Voprosy vlasti i samoupravleniya v religioznom dvizhenii “Anastasiya”: ideal’nye obrazy rodovyykh poseleniy i “voploshchenie mechty” [Power and Self-government in the “Anastasia” Religious Movement: Ideal Images of Kin’s Domain Settlements and the Dreams Fulfilled]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology], S17: 101–128 (in Russian).
- Chesnokova V.F. (2010) *Yazyk sotsiologii. Kurs lektsiy* [The Language of Sociology. Lecture course]. (Lektsiya 2. Ferdinand Tyonnis. Obshchina i obshchestvo [Lecture 2. Ferdinand Toennies. Community and Society]). Moscow: OGI: 24–50 (in Russian).
- Ionin L.G. (1979) Sotsiologicheskaya kontseptsiya Ferdinanda Tyonnisa [Ferdinand Toennies’ sociological concept]. In: *Istoriya burzhuznoy sotsiologii XIX — nachala XX veka* [History of bourgeois sociology of the XIX — early XX century]. Moscow: Nauka: 164–180 (in Russian).
- Kaganskiy V.L. (2011) Issledovanie rossiyskogo kul’turnogo landshafta kak tselogo i nekotorye ego rezul’taty [A Holistic Investigation of the Russian Cultural Landscape]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Research], 4(5): 26–37 (in Russian).
- Megre V. (2007) *Anastasiya* [Anastasiya]. Saint Petersburg.: Dilya (in Russian).
- Metzo K.R. (2006) Exchange in Buriatia: Mutual Support, Indebtedness, and Kinship. *Ethnology*, 45(4): 287–303.
- Ozhiganova A. (2015) Deti New Age: utopicheskiy proekt dvizheniya “Anastasiya” (“Zvenyashchie kedry Rossii”) [The Children of New Age: a Utopian Project of Anastasia Movement]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2: 262–286 (in Russian).
- Plyusnin Yu.M. (2006) Mezen’: real’nost’ natural’noy zhizni [Mezen — the reality of natural life]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 5: 147–156 (in Russian).
- Pol’skiy I.V. (2013) Ot “dachnikov” k “poselentsam”: opyty soobshchestva v dvizhenii “Anastasiya” / “Zvenyashchie kedry Rossii” [From “Dachniki” to “Resettlers”: Community Experiences in the “Anastasia” / “The Ringing Cedars of Russia” Movement], in: *Trudy russkoy antropologicheskoy shkoly* [Russian Anthropological School Publications], 12: 136–155 (in Russian).
- Pozanenko A.A. (2016) Samoizoliruyushchiesya soobshchestva. Sotsial’naya struktura poseleniy rodovyykh pomestiy [Self-isolated Communities — The Social Structure of Kin’s Domain Settlements]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 1: 129–153 (in Russian).
- Pranskevičiūtė R. (2010) Vissarion and Anastasia Movements in Lithuania. In: Ramanauskaitė E. (ed.) *Groups and Environments: Interdisciplinary Research Studies*. Vol. 2. Kaunas: Vytautas Magnus University: 201–205.
- Tönnies F. (1922) *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Vierte und fünfte Auflage*. Berlin: Verlag Karl Curtius.
- Tönnies F. (1998) Obshchnost’ i obshchestvo [Community and Society]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 3-4: 333–357 (in Russian).
- Tönnies F. (2002) *Obshchnost’ i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii* [Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology]. Moscow: Vladimir Dal’ (in Russian).
- Sandstedt E., Westin S. (2015) Beyond Gemeinschaft and Gesellschaft. Cohousing Life in Contemporary Sweden. *Housing, Theory and Society*, 32(2): 131–150.

Zadorin I.V., Kolesnikova E.Yu., Maltseva D.V., Khalkina E.V., Khomyakova A.P., Shubina L.V. (2012) *Ekoposeleniya kak forma vnutrenney emigratsii: motivatsiya i perspektivy rasprostraneniya. Itogovyy kompleksnyy analiticheskiy otchet po rezul'tatam issledovaniya* [Eco-villages as a Form of Internal Emigration: Motivation and Expansion Prospects. Final Comprehensive Analytical Report]. Moscow: TsIRKON (in Russian).